

Л. И. АНЦЫФЕРОВА

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ГЕРОНТОПСИХОЛОГИИ

**ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Достижения в психологии

Людмила Анцыферова

**Развитие личности и
проблемы геронтопсихологии**

«Когито-Центр»

2006

Анцыферова Л. И.

Развитие личности и проблемы геронтопсихологии /

Л. И. Анцыферова — «Когито-Центр», 2006 — (Достижения в психологии)

Книга представляет собой фундаментальный труд, посвященный разработкам в области методологии психологии, психологии развития личности и геронтопсихологии, проблем мышления и мудрости человека. Автор – известный российский психолог, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный член РАО, доктор психологических наук, профессор Людмила Ивановна Анцыферова. Во второе, значительно дополненное издание, вошли как ранние работы, посвященные теории личности К. Левина, исследованиям мышления в Вюрцбургской школе, теории интеллектуальных операций О. Зельца, так и самые последние разработки Л. И. Анцыферовой по психологии мудрости и проблемам постижения человеком своего призвания. Книга предназначена для психологов, педагогов, геронтологов, социальных работников и для широкой читательской аудитории.

© Анцыферова Л. И., 2006

© Когито-Центр, 2006

Содержание

Предисловие	6
Предисловие к первому изданию	7
Раздел первый. Теории личности и вопросы методологии психологии	11
Глава 1. Методологические принципы и проблемы психологии	11
Глава 2. О динамическом подходе к психологическому изучению личности	25
Глава 3. Личность в динамике: некоторые итоги исследования	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Людмила Ивановна Анцыферова
Развитие личности и проблемы
геронтопсихологии. Издание 2-
е, исправленное и дополненное

© Институт психологии Российской академии наук, 2004, 2006

* * *

Заслуженный деятель науки РФ, почетный член РАО, доктор психологических наук, профессор Людмила Ивановна Анцыферова (фото конца 1970-х годов)

Предисловие

Первое издание книги Л. И. Анцыферовой «Развитие личности и проблемы геронтопсихологии», вышедшее в издательстве «Институт психологии РАН» в 2004 году, стало заметным событием в научной жизни российской психологии. В нем впервые в такой полной и систематизированной форме были собраны важнейшие разработки последних десятилетий, посвященные фундаментальным проблемам психологии личности и психологии развития. Впервые отечественная геронтопсихология была представлена широким кругом проблем, связанных с экзистенциальными вопросами смысла жизни человека, творческой реализации, объективных и субъективных трудностей пожилых людей. Являясь крупнейшим специалистом по истории зарубежных теорий личности, обладая глубокой философской культурой мышления, имея в своей научной биографии опыт проведения конкретных эмпирических исследований и оказания психологической помощи людям, автор смогла сконцентрировать в психологической концепции личности многое из того продуктивного, что накоплено не только в отечественной, но и мировой психологии о различных периодах развития личности, включая период поздней взрослости.

Необходимость подготовки второго издания вызвана прежде всего высокой востребованностью работ Л. И. Анцыферовой: первое издание быстро разошлось по всем российским регионам. Интерес к ее фундаментальному труду проявили не только профессиональные психологи, но и специалисты из смежных с психологией областей знания. Кроме того, книга может рассматриваться достаточно полным пособием по психологии развития, психологии личности, истории психологии для студентов, обучающихся психологическим и педагогическим специальностям.

Второе издание дополнено новым разделом «Проблема мудрости и теории мышления», в который вошли две главы, посвященные исследованиям мышления в работах Огюста Зельца и представителей Вюрцбургской школы – О. Кюльпе, А. Майера, И. Орта, К. Марбе, Х. Ватта, Н. Аха, А. Мессера, К. Бюлера и др., а также главы, содержащие развернутый анализ проблемы мудрости человека. Книга содержит как авторскую разработку системного подхода к психологическому исследованию личности, так и анализ теорий личности.

Издание иллюстрировано фотографиями из семейного архива Людмилы Ивановны Анцыферовой.

Директор Института психологии РАН, член-корреспондент РАО, профессор А. Л. Журавлев

Предисловие к первому изданию

История появления этой книги, с одной стороны, связана с подготовкой к юбилею ее автора. Предполагалось, что собранные вместе научные работы Людмилы Ивановны Анцыферовой, опубликованные за последние двадцать лет в «Психологическом журнале» и в некоторых научных трудах Института психологии РАН, будут подарком юбиляру. Однако, когда эта работа была проделана, отдельные, лишь на первых взгляд, разрозненные публикации как-то сами собой сложились в цельную книгу, способную стать, мы уверены, заметным событием в психологическом сообществе для всех, кто будет ее читать.

Потребность в новой книге, с другой стороны, зрела давно, и юбилей – это только повод к осуществлению этой задачи.

Имя Людмилы Ивановны Анцыферовой является одним из известнейших в современной отечественной психологии. Отдельные страницы ее профессиональной биографии хорошо освещены в настоящем издании. Мы не будем их повторять, отметив только самые основные вехи ее научной судьбы.

Окончив в 1948 году Московский университет им. М. В. Ломоносова, Людмила Ивановна поступила в аспирантуру МГУ. Ее научным руководителем был Сергей Леонидович Рубинштейн. Работать в секторе, возглавляемом С. Л. Рубинштейном, Л. И. Анцыферова начала в 1956 году. Если учесть, что в 1972 году сектор психологии в полном составе (в те годы им руководила профессор Е. В. Шорохова) перешел из Института философии в только что открытый в академии наук Институт психологии, то из этого следует, что Людмила Ивановна проработала, никуда не уходя с того места, на которое определили ее судьба и научная одаренность, почти 50 лет! Она автор трех монографий. Множество коллективных монографий и сборников научных трудов подготовлены ею в качестве ответственного редактора. Людмила Ивановна 17 лет была заведующей: сначала – сектором философских проблем психологии, затем – лабораторией психологии личности. Много сил она отдала и отдает «Психологическому журналу» – в течение девяти лет она была заместителем главного редактора.

Однако главное дело Л. И. Анцыферовой состоит, конечно, в ее огромном вкладе в развитие психологической науки. Даже структура и тем более содержание настоящей книги позволяют составить представление о масштабах проделанной работы.

Научное творчество Л. И. Анцыферовой охватывает большой круг проблем, в разработке которых достигнуты крупные научные результаты, сделавшие ее имя высоко авторитетным в психологическом сообществе. Среди них надо выделить три главных, стержневых научных направления, над которыми все эти годы продолжается творческая работа мысли, продуцируются новые идеи, развиваются и уточняются исследовательские подходы. Это проблемы методологии, истории и особенно психологии личности.

Продолжая начатую С. Л. Рубинштейном линию разработки методологических основ психологии, Л. И. Анцыферова внесла существенный вклад в развитие этого направления отечественной науки. Она уточняет и развивает конкретно-психологическое содержание принципа общественно-исторической детерминации психики человека, расширяет личностный смысл принципа единства сознания и деятельности, обосновывает необходимость соединения системного подхода с принципом развития. Само развитие начинает пониматься и осмысливаться как системный процесс. Большую научную значимость представляют ее методологические и теоретические разработки по психологии развития. Это и вопрос об общих закономерностях развития, и о системной его организации, и о внутренних источниках и потенциалах развития, и об условиях их накопления и реализации в процессе жизни.

Большая заслуга принадлежит Л. И. Анцыферовой в анализе современной зарубежной психологии и разработке принципов такого анализа. В этих исследованиях обосновывается

системно-исторический подход к развитию психологического знания, который предполагает учет макро– и микросоциальных детерминаций, влияние личности самого создателя, ее своеобразия, мировоззренческих установок на содержание развиваемой ею теории. Л. И. Анцыферова одной из первых отечественных ученых обратилась к осмыслению творчества ряда известных западных психологов-персонологов, основателей оригинальных теорий личности, психотерапевтических школ и научно-практических направлений.

Опираясь на принцип субъекта рубинштейновской научной школы, используя богатый эмпирический и психотерапевтический материал зарубежных и отечественных исследователей личности, Л. И. Анцыферова выходит на оригинальную проблематику и концепцию личности, которая систематически разрабатывается в ее работах последних десятилетий. Суть этой концепции состоит в понимании личности как развивающейся системной целостности, для которой развитие – основной способ существования, способ ее бытия. Развитие понимается как многоформный, многомерный, разнонаправленный процесс, включающий позитивные новообразования, психологические потери и сложнейшие механизмы компенсации. Главным для динамической концепции личности является, во-первых, идея непрерывного развития на протяжении всей жизни человека и, во-вторых, зависимость развития личности от меры ее собственной активности.

Людмила Ивановна, бесспорно, является классиком отечественной геронтопсихологии, понимаемой ею в контексте психологии развития и совершенствования личности. Являясь одним из ведущих специалистов по зарубежным теориям личности, Л. И. Анцыферова использует это богатство знаний для тонкого и уникального анализа тех психологических возможностей, которые дает личности (а не только ведет к утратам) возраст поздней взрослости. Она отмечает, что в концепции Х. Томе интегрированы положения К. Левина о психологическом единстве человека и окружающего его мира, некоторые установки когнитивной теории поведения, и напоминает об идеях Г. Мюррея о тематическом структурировании личностью своих жизненных ситуаций и его собственные оригинальные подходы к изучению личности в мире повседневной жизни путем психологической биографии, подробно рассказывает о деталях проведения и значении Боннского геронтологического лонгитюда (Bonner Langsschnittstudie uber das Altern), начатого в 1961 г. под руководством Лер и продолжавшегося более двух десятиков лет.

Научное творчество Л. И. Анцыферовой отличает искренний интерес к самым трудным вопросам человеческого бытия: болезнь, смерть, старость, суровые жизненные испытания. Именно поэтому ее работы особенно нужны людям. О многом говорят даже их названия: «Человек перед лицом жизни и смерти», «Психологические приобретения и потери человека в период поздней взрослости», «Личность в трудных жизненных условиях...». Концепцию развития Л. И. Анцыферовой отличает вера в конструктивные силы человека. Страницы ее работ содержат яркие и впечатляющие рассказы о случаях, когда приходилось оказывать реальную психологическую помощь обратившимся к ней людям. Читая эти описания, начинаешь понимать, что, пожалуй, только она и могла оказать такую помощь в тех конкретных случаях: найти именно то слово или слова, которые лечат душу в самых трагических жизненных условиях. Людмила Ивановна находит эти слова. За ними стоит знание глубинных основ психологии, жизненный опыт и огромная любовь к людям.

Самые ранние из приведенных в книге работ относятся к началу 1980-х годов. Читая труды Л. И. Анцыферовой этого периода, можно заметить, как трудно было ей публиковать статьи, в которых честно и профессионально анализировались работы зарубежных исследователей личности, однако Людмиле Ивановне удавалось выделять и утверждать то положительное знание, которое отличает работы известных персонологов, психоаналитиков, когнитивистов. К настоящему времени она является ведущим специалистом по научному творчеству

Э. Эриксона и Х. Томе, ее статьи содержат уникальный анализ работ К. Юнга и Л. Колберга и других известных психологов – не только зарубежных, но и отечественных.

Сильное впечатление производят публикуемые здесь аналитические обзоры деятельности научных подразделений, руководимых Л. И. Анцыферовой. Из содержания статей начала 1980-х следует, что под руководством Л. И. Анцыферовой в тот период работали такие классики отечественной психологии как Я. А. Пономарев, Е. А. Будилова, А. В. Брушлинский, Д. Н. Завалишина. Рассматриваются первые книги И. А. Джидарьян, Т. И. Артемьевой, И. И. Чесноковой, Г. С. Тарасова, В. Г. Асеева. В начале 1990-х появляются новые имена, и все имена Людмила Ивановна стремится упомянуть, обо всех молодых сотрудниках сказать несколько важных слов.

Особой теплотой наполнены воспоминания Л. И. Анцыферовой о А. В. Брушлинском. Статья «И жизнь, и слезы, и любовь» свидетельствует о том, каким хорошим психологом, внимательным к мелочам и способным понимать главное является Людмила Ивановна. Стоит задуматься над ее выводом о том, что Институт психологии РАН во многом обязан Андрею Владимировичу самой возможностью своего сохранения в самые трудные годы.

Жизненная задача самой Л. И. Анцыферовой, просвечивающая через всю предложенную здесь ретроспективу ее научного творчества, вырисовывается как активная позиция в помощи личности, как обращение к творческим силам и высшим потребностям человека при точном знании того, что эти силы и потребности существуют. Она говорит о жизни человека как особой, свойственной ему благодати. Ее жизненный опыт, высочайшая научная компетентность позволяют ей обратиться к читателю с такими словами: «Люди, берегите себя. В вашей душевной жизни находит продолжение жизнь множества людей, окончивших свой земной путь. Они живут в форме ваших воспоминаний, образов, мыслей, чувств, способов поведения. Делайте же в самых трудных и даже трагических ситуациях выбор в пользу жизни».

Л. И. Анцыферова является создателем психологической концепции старости. Она отмечает, что за последние два десятилетия психологи собрали значительный материал, выявляющий характеристики психологического облика людей в возрасте от 60 до 90 лет и более, замечая при этом, что любой период жизни человека, особенно время поздней зрелости и старости, следует рассматривать в контексте целостного жизненного пути индивида. Хотя нельзя недооценивать силу социальных воздействий, но все же человек способен быть свободным по отношению к своей исторически преходящей действительности и к давлению общества: потенциал человека выходит далеко за те пределы, которые ставит его развитию общество.

Концепция Л. И. Анцыферовой основана на пересмотре широко распространенного среди психологов представления о поступательном развитии личности как об «одноколейном», одноподвижном движении душевной жизни. Наряду с позитивными силами автор выделяет «неадаптивные тенденции», относя к ним плохое сенсорное развитие, своеволие, безжалостность, виртуозность в узкой сфере деятельности, фанатизм, распыление своих сил в необъятном множестве занятий; самонадеянность, не согласующуюся со способностями человека, а также пагубные для развития тенденции: отстранение от мира; компульсивные действия; привычка тормозить свое поведение; инертность; преобладание стратегий отказа от решения актуальных задач и использования благоприятных возможностей; недоступность для всего окружающего; отсутствие заботы о новом поколении; презрение к миру.

Л. И. Анцыферовой выделены типы продуктивного старения, которые связаны с преимущественной ориентацией на творчество и реализацию духовно-нравственных отношений. Она убедительно, всем своим творчеством выступила против распространенного в обществе представления о людях в их поздние годы как о беспомощных, болезненных существах, неспособных самостоятельно принимать решения, успешно выполнять общественные функции, приносить пользу обществу, против стереотипного представления о старых людях как однородной

группе, у которой индивидуальные различия стираются. Она напоминает читателю очень яркое грузинское проклятие: «Пусть в твоём доме никогда не будет стариков».

Обосновывая свою концепцию развития, Л. И. Анцыферова утверждает, что социально-психологическое развитие человека не ограничено какими-то определёнными периодами его бытия, оно осуществляется на протяжении всей жизни и что в продолжении жизни человек не исчерпывает всех своих резервных возможностей, потенциала своего развития. Психическое развитие человека настолько многомерно, что практически невозможно выявить все его проявления, качества и возможности. Сам процесс развития не сводится к одному поступательному развитию: развитие – это единство разных типов изменений, парциальных и системных, преходящих и стабильных, позитивных и негативных. Инволюционные изменения сочетаются с новообразованиями прогрессивного характера, направленными на преодоление деструктивных явлений в геронтогенезе. Автор отмечает: есть основания полагать, что новые линии развития порождает не возраст сам по себе, а богатство жизненного опыта, глубина и полнота его осмысления человеком в сочетании с масштабностью пережитых социально-исторических событий. Она говорит о разных темпах личностно-психологического развития человека, о том, что успешность его социально-психологического развития во многом зависит от того, насколько он сам выступит как субъект своей жизни. Те знания и умения, которыми овладевает человек, имеют гораздо большее значение, чем просто знания и умения – это одновременно и расширение жизненных возможностей, и выработка многоуровневой позиции личности по отношению ко всему окружающему.

В концепции Л. И. Анцыферовой содержится искренний интерес и позитивное отношение к трудным обстоятельствам жизни и ценность опыта, когда личности удастся справиться с трудностями.

В период после 1991 г. Людмила Ивановна, обратившись к работам западных коллег, напомнила о тех реальных трудностях для развития личности, которые несут с собою капиталистические общественные отношения. Она пишет: «Быстро миновал период “перестройки” советского общества. Наступила эпоха построения нового общественного строя, ориентированного на капиталистические общественные отношения, на рыночную экономику с жестким механизмом конкуренции. Психологи должны быть готовы предвосхитить, найти условия для смягчения тех негативных феноменов, с которыми столкнулись западные психотерапевты».

В более поздних публикациях Л. И. Анцыферова отмечает, что неопределенность положения не уменьшается, негативные процессы не ослабевают. И сама формулирует проблему: «На какие же актуальные вопросы должны быть готовы ответить психологи, какие последствия новой социальной ситуации, касающиеся развития личности, должны они предвидеть, имея в виду перспективу установления капиталистических отношений?»

Людмила Ивановна способна ответить на этот и многие другие очень трудные вопросы, обращаясь к богатому опыту мировой психологии, опираясь на свой жизненный опыт. Она беззаветно служит науке на всех уровнях служения: как теоретик и историк, как крупный методолог и как практик, реально помогающий людям, – своими работами, словом и самым своим обликом человека искреннего и цельного.

В справедливости этих утверждений читатель сможет убедиться сам, ознакомившись с книгой. Многая Вам лета, Людмила Ивановна!

Действительный член РАО, профессор К. А. Абульханова

Доктор психологических наук М. И. Воловикова

Кандидат психологических наук И. А. Джидарьян

Член-корреспондент РАО, профессор А. Л. Журавлев

Раздел первый. Теории личности и вопросы методологии психологии

Глава 1. Методологические принципы и проблемы психологии

Методологические основы отечественной психологии включают систему взаимодействующих методологических принципов, содержание которых постоянно обогащается по мере развития психологического знания. Психологи ведут работу над принципами отражательной природы психики, диалектико-материалистического монизма, детерминизма, общественно-исторической обусловленности психики, сознания, личности человека. Проводятся дискуссии о содержании принципов развития, взаимообусловленности психики и поведения, сознания и деятельности человека, деятельностного подхода, о специфике системного подхода в психологии. Научная деятельность сектора философских проблем психологии Института психологии АН СССР в прошедшие десять лет развивалась в общем русле дальнейшей разработки этих принципов и поисков новых методологических приемов психологического исследования.

Здесь представлены некоторые результаты исследования, над которыми работали сотрудники сектора.

Проблемы объективных оснований и онтологического статуса психики

Одной из самых важных методологических проблем советская психология всегда считала вопрос об объективных основаниях существования психики, о тех объективных существенных связях психики с миром, которые характеризуют ее природу на разных уровнях существования. Системный подход в диалектико-материалистическом понимании необходимо включает принцип выявления системных оснований психики, сознания, личности человека. Определения психики как функции мозга, отражения объективной действительности, ее субъективного образа, включенного в детерминацию поведения человека, общественно-исторической обусловленности психических явлений раскрывают ряд существенных оснований психики. Но эти основания в психологическом плане еще недостаточны для полного преодоления идеалистического обособления сознания от мира. Фундаментальным основанием психики и сознания, поведения, общения и созидательной деятельности выступает человек, общественный индивид, который живет реальной полнокровной жизнью в качестве действующего, общающегося, сознающего, созерцающего существа. Однако введение в системное основание психологии индивида может оказаться методологически плодотворным лишь при рассмотрении самого индивида в системе существенных для него связей – в системе общества. В концепции, выдвинутой К. А. Абульхановой, традиционная проблема связи общества и психики индивида переформулируется как вопрос о соотношении индивидуального и общественного и получает свое решение в положении о том, что само социальное существует в двух формах: бытия общества, различных социальных групп и индивидуального общественного бытия. Жизнь индивида с самого начала выступает как индивидуальный способ преобразования и дальнейшего развития общественной сущности. С этой точки зрения сознание человека порождается и формируется как психологический механизм включения индивидуального бытия в жизнь общества [3, 4].

С этими методологическими положениями логически связаны выдвинутые в последнее время новые способы решения проблемы связи биологического и социального в развитии человека, выводы о том, что именно психологический уровень организации человека опосредствует воздействие социальных условий развития индивида на его природные (биологические) характеристики, которые в ходе социоантропогенеза выступили продуктом истории. В этом плане процесс «социализации» в ходе онтогенеза человека должен рассматриваться как дальнейшее преобразование конкретно-историческими общественными условиями того природного в человеке, в котором нашли свое выражение самые общие условия его общественного существования. Эти позиции противоположны всем теориям, резко отделяющим в психическом развитии человека две стадии или два рядоположных фактора – биологический (натуральный) и социальный [25].

Введение в психологию в качестве реального основания живого действующего, переживающего, осознающего человека, обладающего индивидуальным способом социального бытия, открывает возможности исследования в психологическом плане индивида как активного субъекта своей деятельности и своего внутреннего субъективного мира, который путем реорганизации собственных реальных, психически опосредствованных деятельных взаимоотношений с миром изменяет свое сознание, мир своих переживаний. Из этих положений следуют, как нам представляется, важные философские выводы: диалектика психики и поведения, сознания и деятельности оказывается диалектическим единством сознающего и действующего, переживающего, созерцающего и творящего человека. Выступая как активный субъект индивидуализируемых им самим систем общественных отношений, человек становится личностью, обладающей не только социальной и психологической общностью с другими членами общества, но также социальной и психологической уникальностью [38] настолько, насколько уникальна система его материальных и идеальных отношений с миром, насколько уникален его способ воспроизведения себя в своих творениях и в бытии других людей.

Введение реального индивида в центр системы оснований психического позволяет выдвинуть следующие важные методологические положения. Первое из них касается онтологического статуса психики, который раскрывается как специфический структурный уровень организации жизненных явлений [34–36]. Второе положение подчеркивает необходимость соотносить психическое (как определенный уровень организации жизнедеятельности человека) не просто с физиологическими процессами мозга, но с целостной системной организацией человека как организацией средств, способов, механизмов включения сознающего и действующего человека в мир природы и общества (Л. И. Анцыферова). Как подчеркивает Б. Ф. Ломов, развивая системный подход в психологии, человек выступает частью ряда существующих в мире систем – физической, биологической, социальной. Но важно подчеркнуть, что вхождение индивида во все эти системы происходит не автоматически – он должен активно освоить и развить свою изначальную природную определенность в качестве эффективных средств включения в эти разные системы.

Разработка принципа развития

Специальное направление методологических исследований было посвящено статусу принципа развития в психологии в связи с современными представлениями о природе психики и все более отчетливо осознаваемой в настоящее время необходимостью перейти от структурно-статичных приемов ее исследований к раскрытию процесса психической жизни человека.

Бытие общественного индивида отличается крайней динамичностью и пластичностью, обусловленной высокой изменчивостью индивидуальных ситуаций поведения человека, – поведения, выступающего как решение непрерывного потока жизненных задач. Необходи-

мость отражать, прогнозировать, предвосхищать и, если нужно, предотвращать изменчивость условий разных форм социально обусловленной деятельности человека породила особый – фундаментальный, основной – способ существования психики: в качестве непрерывного (континуального), постоянно развивающегося процесса [23, 25, 26]. Это положение по-новому раскрывает значение принципа развития в психологии: он выходит далеко за рамки возрастной, детской, педагогической психологии и определяет самую природу психики человека, способ ее функционирования, присущую психике эмерджентность, т. е. способность переходить в новые качественные состояния, нести в себе зародыши будущих психических свойств индивида.

Разработка принципа развития осуществлялась как решение ряда важных методологических проблем. Это проблемы детерминации психического развития, вопрос о возможности представить сам процесс развития в качестве целостного диахронического объекта, обладающего системными свойствами, это также вопрос о механизмах разрешения характерного для психического развития противоречия между преемственностью, непрерывностью развития и его членением на качественно различные стадии. Обстоятельной разработке была также подвергнута проблема связи стадий развития с формирующейся психологической организацией. Продвижение в исследовании многих из этих проблем обусловило постановку новых вопросов психологии развития, таких, например, как вопрос о соотношении микро– и макроразвития [9, 10, 20, 24, 27].

В противоположность любым финалистским концепциям психического развития, рассматривающим его как тяготеющее к некоторому конечному состоянию (этап индивидуальности в концепции Э. Эриксона, операциональный интеллект в теории Ж. Пиаже и т. д.), мы исходили из положения о безграничности психического развития индивида [10]. В этом плане впервые в психологии развития было раскрыто Брушлинским значение марковского понятия развития как «развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу» [2, с. 476]. С этой точки зрения, психическое развитие – непрерывный процесс порождения все новых и новых эталонов развития [27].

Из положения о психическом развитии как совершающемся безотносительно к заранее заданному масштабу следует важный вывод о том, что для объяснения психического развития оказывается недостаточным механизм обратной связи, поскольку он изначально предполагает сличение достигнутых результатов с заранее заданным эталоном, что характерно главным образом для репродуктивного, а не творческого развития – развития в истинном смысле слова, в ходе которого сам индивид порождает новые цели, новые идеалы и новые критерии своего поступательного движения [12, 26].

Каковы же *движущие силы этого развития*, какова его *детерминация*? На современном уровне психологической науки ясно обнаружилась ограниченность жесткого линейного детерминизма, опирающегося на представление о цепи причин, а также вероятностного или стохастического детерминизма. Более того, существенного углубления требует и сформулированный в психологии принцип преломления внешних причин через внутренние условия.

Выдвинутая В. Г. Асеевым [20] системно-уровневая концепция детерминации развития психики и ее функционирования направлена на возможно полное раскрытие диалектики внешнего и внутреннего, субъективного и объективного в этих процессах – против гипертрофии как внешней, так и внутренней детерминации поведения человека. Эта концепция исходит из положения о том, что в процессе психического развития возникают и разрешаются двоякого рода противоречия: между личностью (субъектом) и внешними условиями ее деятельности, с одной стороны, и между внутриличностными образованиями – с другой. Эти противоречия имеют сложную, «совмещенную» структуру. Так, противоречие между сложившимися у личности свойствами (функциональными возможностями) и объективно требуемыми от нее качествами лишь в единстве с противоречием между притязаниями индивида (принятыми им самим трудно достижимыми целями) и недостающими личностными ресурсами может поро-

дить устойчивое «поле детерминации», под влиянием которого специфическим образом актуализируются и вступают в действие конкретные ситуативные противоречия.

Такой подход позволяет перейти от плюралистического представления об аморфной множественности факторов и противоречий развития к изучению их организации. Она включает по крайней мере два уровня. К первому из них относятся факторы, определяющие общее направление и сферу развертывания процессов развития. Это основные, главные предрасполагающие, относящиеся к сфере потенций развития факторы. Другой уровень образуют факторы исполнительные, осуществляющие развитие, выполняющие функцию средств направленного развития. Так, мотивационная установка человека на формирование у себя определенных черт личности – и требуемых, например, профессией, и лично горячо желаемых – определяет выбор конкретных ситуаций поведения и деятельности, формирует механизм «отторгивания» свойств, противоречащих этой установке, и механизм мобилизации функциональных ресурсов организма, повышает сензитивность личности к определенным внешним воздействиям и т. д.

Позитивная роль противоречий в детерминации прогрессивного, нормального развития личности не может быть, однако, абсолютизирована, существует «мертвая зона» противоречий, не ведущих к развитию, и зона противоречий, порождающих дисгармоничное, аномальное развитие (например, чрезмерная дистанция между желаемым, идеалом и слабыми функциональными возможностями индивида). Наконец, важным фактором развития может выступить гармоническое разрешение противоречий, а также синергия усиливающих друг друга противоречий (противоречие между требуемой и отсутствующей формой поведения, усиливая противоречие между несформированным личностным качеством, регулирующим это поведение, и желанием субъекта его иметь, детерминирует развитие личности) [9, 10].

В соответствии с представлением о психическом как непрерывно развивающемся процессе сама его детерминация понимается в процессуальном плане. Идет ли речь о ходе решения задачи или формировании психического свойства личности, детерминация этих процессов не существует в изначально готовом виде, но непрерывно формируется на всех этапах осуществления психических процессов. Проблемы детерминации психического развития очень остро стоят применительно к выявленным его общим закономерностям. К ним относятся гетерохронность развития разных компонентов психологической организации индивида, разный темп их развития, периоды спада и подъема в разные возрастные периоды, меняющиеся сочетания прогрессивных, регрессивных и стагнативных тенденций развития на разных этапах жизненного пути. Предстоит большая и кропотливая работа по выяснению детерминант этих процессов. Несомненно, что изменения социального содержания жизни человека вносят существенный вклад в детерминацию этих процессов. На определенное влияние биологических факторов указывает установленный факт развертывания генетической программы индивида на протяжении всей его жизни. Диалектика взаимодействия этих двух факторов – социального и биологического – заключается в их опосредствовании оценочно-смысловым отношением человека к собственной жизни, к появляющимся у него изменениям и новообразованиям. Подход к психическому развитию как диахронической целостности, членящейся на стадии и этапы, выдвигает *вопрос о механизмах перевода от стадии к стадии и к более высоким уровням развивающейся системы, о соотношении проходимых стадий с организацией развивающегося объекта*. Для решения этих вопросов привлекается разработанное в философии и принятое в психологии понятие (кроме стадийального) функционального развития, совершающегося в пределах одного и того же уровня сложности организации. Функциональное развитие понимается как включающее процессы микроразвития, которые ведут к накоплению элементов новых стадий в рамках уже достигнутой. Факт появления элементов позднейших стадий в структуре более ранних (и сохранение компонентов пройденных этапов в составе новых уровней организации) твердо установлен в широком диапазоне от психологии личности до зоопсихологии (где

эти явления носят название преадаптации и персистентности [10, 34, 35]). Новейшие исследования в области психологии мышления, выполненные М. И. Воловиковой под руководством Брушлинского, вскрыли феномен так называемого «немгновенного инсайта», т. е. процесса постепенного перехода микро– в макроразвитие. Эти факты заставили поставить новую проблему *сопоставительного анализа выявленных в психологии закономерностей механизмов и критериев макро– и микроразвития* (Д. Н. Завалишина). В результате раскрыты существенные различия критериев и характеристик этих двух типов развития и поставлена задача исследования механизмов перехода от микроизменений к системным, многоуровневым макроизменениям или, по выражению Завалишиной, к «психическим ароморфозам».

При решении вопроса о связи процесса развития с формирующейся психологической организацией Пономарев [35, 36] выдвинул общее философское положение о преобразовании этапов развития явления в структурные уровни его организации и ступени дальнейших развивающихся взаимодействий. Обоснованный на обширном материале, начиная от развития интеллекта и кончая историческим развитием познания, данный принцип представляет собой один из вариантов системно-генетического подхода в психологии. Может быть предложен и другой вариант такого подхода. Он выражается в принципе расслоения, дифференциации первоначально диффузной одноуровневой целостности психического на все более четко отграничивающиеся друг от друга уровни, структуры, механизмы. Происходит последовательное перемещение эпицентра психологической организации индивида, развивающего в своей деятельности те «эмбриональные закладки» компонентов будущих психологических органов личности, которые сложились на первых этапах ее социальной жизни. Постоянно действующий механизм выделения новых частей целостной психологической системы требует формирования механизмов интеграции личностной системы, усиление действия которых – одна из центральных тенденций развития личности (Анцыферова). Этот вариант системно-генетического подхода требует освоения психологией философского учения о диалектике целого и его частей.

Сформулированные положения существенно отличаются от получивших за последнее время распространение в зарубежной психологии так называемых «иерархических теорий» развития мышления и обучения (Пиаже, Вернер и др.), защищающих тезис о превращении последовательных этапов обучения и развития интеллекта в иерархическую систему. В этих теориях, во-первых, не акцентируется качественное преобразование генетически более ранних и простых образований в составе позднейших, высших уровней, а во-вторых, психическое развитие рассматривается как тяготеющее к некоторому конечному состоянию (операциональный интеллект – у Пиаже, мышление взрослого цивилизованного человека – у Вернера), что противоречит накопленным к настоящему времени фактам продолжающегося развития мышления взрослого человека.

Проблемы формирования и развития личности

Новое содержание принципа развития, понимание психики как живого, непрерывно развивающегося процесса, структурно-уровневая концепция детерминации, системно-генетический подход получили дальнейшее продвижение при разработке проблем формирования и развития личности [6, 9, 12–16, 19, 32, 37, 40] и др.

В соответствии с системным подходом необходимо было прежде всего найти объективные основания личностно-психологического бытия человека в мире. Такими основаниями могут быть лишь потребности существования и развития общества, которое должно сформировать у своих членов устойчивые психологические структуры, преодолевающие ситуативность поведения и кратковременность моментов активности, периодов психического напряжения, вызываемых на уровне животного мира преходящими органическими потребностями. При этом в самих индивидах должны были сложиться природные основания, природные

предпосылки устойчивых побуждений к общественной жизни, к установлению и расширенному воспроизведению межиндивидуальных, личных отношений, реализующих и развивающих общественные отношения. «Именно личное, индивидуальное отношение индивидов друг к другу, их взаимное отношение в качестве индивидов создало – и повседневно воссоздает – существующие отношения» [1, с. 440]. *Анализ побудительной, потребностно-мотивационной сферы личности* и занимает одно из центральных мест в научном поиске сектора. В этой сфере следует искать механизмы устойчивого личностного бытия индивида, его постоянно напряженной душевной жизни. Эти механизмы лежат в духовных – ненасыщаемых, устойчивых потребностях человека. В созданной сектором психологической концепции потребностей (И. А. Джидарьян, Г. С. Тарасов [31–33, 37, 38]) раскрываются новые стороны диалектики индивидуального и общественного в формировании личности, которое может быть представлено как двуединый процесс ее растущей суверенности, автономности и в то же время все более полного развития в индивидуальной форме универсальности родовой человеческой сущности. В этом процессе потребности человека, все более одухотворяясь, выступают как важнейшие механизмы включения человека в социальную действительность и как особые внутренние субъективные механизмы детерминации, механизмы социально-психологической культуры индивидуализированного существования человека в обществе. Общество создает условия для удовлетворения витально-организмических потребностей индивида, прежде чем их интенсивность достигнет крайних пределов. Поэтому в процессе их удовлетворения у человека отсутствуют резкие перепады психического напряжения. В результате «жизненные силы» человека могут концентрироваться вокруг иных – духовных потребностей. В них социальная природа человека выражена в наиболее концентрированном виде и поэтому все духовные потребности человека – связанные с эстетической, теоретико-познавательной деятельностью, этическим поведением – имеют в своей основе потребность в общении.

Разработка *проблемы потребностей с позиций принципа отражения* привела к выдвижению положения о многоуровневости строения отражательной природы потребностей. Богатство психологического содержания потребностей, обусловленное сложностью и многомерностью их предмета, зависит от того, насколько многосторонним и многоуровневым будет эмоционально-смысловое прочтение или отражение предмета потребности. В этом активном, социально детерминированном взаимодействии с предметом духовных потребностей личность выступает не как существо страдательное, одержимое нуждой, находящееся во власти предмета потребности. Возникшая нужда подвергается личностной оценке, осмысливается, интерпретируется личностью в целостной системе ее устойчивых психологических отношений к миру. И мера страдательности, претерпевания определяется самой личностью, которая в случае необходимости применяет способы психологической защиты против чрезмерной зависимости от предмета потребности и испытываемой нужды. В содержании потребности получает отражение не только предмет потребности, но и осуществляемая по отношению к нему многоуровневая деятельность. Только объективируясь в практическом действии или поступке личности, потребности обретают свою подлинную психологическую реальность.

Любая духовная потребность может быть представлена как иерархическая система различных мотивов. В процессе удовлетворения потребности происходит последовательная смена различных мотивов, изменение их иерархической структуры. В этом плане следует говорить о процессуальности эстетической, познавательной, этической мотивации. При этом в процессе развертывания такой мотивации происходит не редукция или разрядка напряжения, а возрастание побудительного потенциала духовной потребности, обусловленное интеграцией нескольких последовательно вступающих в действие мотивов. В результате личность все более содержательно и многосторонне включается в сферу духовной деятельности. Таким образом, в противоположность концепциям, рассматривающим потребность только как первый толчок, изначальное побуждение к деятельности, доказывается, что структура потребностей человека

– процессуальна, она как бы повторяет себя в структуре деятельности, проходя через все ее этапы. В разных фазах деятельности меняется организация побуждений, их напряженность. Важно подчеркнуть, что в ходе процессуально-деятельностной развертки духовной потребности потребление ее предмета происходит не как его обеднение, исчезновение, но как утверждение и обогащение. Психологический анализ художественного творчества, процессов восприятия эстетических ценностей показывает, что творчески активные тенденции характеризуют не только проявления духовной потребности в актах созидания эстетических ценностей, но и в актах их «потребления» – через раскрытие нового содержания потребляемого предмета, через создание на его основе собственных творений. Известное положение К. Маркса о том, что производство есть также и потребление, открывает новые направления психологического анализа связи потребления и созидания. В этом смысле эстетические, как и любые иные духовные потребности, выступают антиподом потребительского отношения к жизни, препятствующего разностороннему и гармоничному развитию личности.

При исследовании строения потребностно-мотивационной сферы личности острым методологическим вопросом продолжает оставаться проблема связи биологических потребностей, побуждений и социальных духовных видов мотивации личности. В западной психологии даже некоторые гуманистически ориентированные персонологи первичными, основными считают биологически-организмические потребности или мотивации – от них по закону функциональной автономии якобы отщепляются, обретая свою суверенность, высшие социальные мотивы. Принципиально иное решение предлагается с позиций системно-генетического подхода и понимания природы человека как продукта истории: социальные, духовные потребности уже с раннего онтогенеза существуют у ребенка в неразвитом аморфном виде, проявляясь, например, в повышенной чувствительности к человеческому лицу и голосу, в потребности в новых впечатлениях. И в нормальных условиях социального и психического развития созревает и развивается вся целостная побудительно-потребностная система индивида, хотя ее эпицентр и изменяется на разных этапах развития (Анцыферова). В этой системе безграничным оказывается рост ненасыщаемых духовных потребностей, которые проникают и в чисто витальные потребности человека.

Характерное для общего направления исследований сектора сочетание системно-структурного с *процессуально-динамическим подходом к личности* [12] обусловило, в частности, постановку проблемы изучения разных мотивационных стратегий поведения. Выявлено несколько таких стратегий – как способствующих, так и препятствующих прогрессивному развитию личности. Среди первых особенно выделяются стратегии поиска трудностей, риска, направленные на обследование, прощупывание собственных возможностей. Ко вторым относятся «ситуативные стратегии», характеризующиеся сужением временной сферы деятельности, а также стратегии импульсивного поведения. Обнаружены также неадекватные мотивационные стратегии, свидетельствующие о дисгармоничном строении личности, например выбор целей, находящихся значительно выше или ниже функциональных возможностей данного индивида, высокая мобилизация функциональных возможностей для достижения легко доступных целей. Предстоит выяснить, как связана типология мотивационных стратегий с уровнями социального и психологического развития личности, с типологией ее целостной жизнедеятельности.

Другая проблема касается *строения мотивационной сферы личности*. В этой области разработано представление о диалектике потенциальных и актуальных форм мотивации [19]. Есть основания говорить о существовании по крайней мере трех зон мотивации. Центральной – актуальной (или актуализированной) здесь является зона, в рамках которой неудовлетворенные потребности, выступая в форме высокозначимых мотивов, вызывают активную и напряженную деятельность человека. Эта зона находится в окружении двух зон потенциальной мотивации. Одна из них содержит потребности, для удовлетворения которых пока нет возмож-

ностей и которые не могут вызвать никакой адекватной им деятельности. Другая потенциальная зона включает постоянно и легко удовлетворяемые потребности, значимость предметов которых, как правило, недостаточно осознается личностью и часто недооценивается, но утрата которых сразу обнаруживает их высокую личностную ценность.

Область актуальной, активно действующей мотивации в свою очередь включает несколько зон, среди которых ведущее место занимает зона высокозначимых, но с предельным напряжением удовлетворяемых мотивов; она намечает перспективу развития личности, которая, преобразуя себя и окружающие условия, стремится перевести высокозначимое в область пониженной значимости.

Предложенная модель выступает как конкретизация структурно-уровневой концепции детерминации и в то же время сама обеспечивает дальнейшее движение психологического знания от абстрактно-теоретического уровня к конкретно-эмпирическому, входя в теоретическую основу практической психологии личности. Зона высокозначимых, вызывающих развертывание напряженной деятельности мотивов и образует то устойчивое детерминационное поле, которое определяет действие ситуативных влияний, в том числе формирующих воздействий. Управление развитием личности, разработка способов повышения ее социальной активности должны строиться с учетом особенностей этих разных форм мотивации. Так, создание атмосферы успеха, поощрение может повысить уровень мотивации с трудом выполняемой деятельности, но окажет демобилизирующий эффект, если деятельность выполняется без особого напряжения, – в этом случае более действенным выступит порицание, наказание, которое, однако, не должно распространяться на потенциальные сферы мотивации [21].

При изучении мотивационной системы личности одним из наиболее существенных является вопрос об условиях и механизмах ее развития. Психология, строящаяся на основе диалектического материализма, отвечает на него принципиально иначе, нежели западная психология.

В этой дисциплине широкое распространение получила, как известно, гуманистическая теория потребностей А. Маслоу. Она постулирует существование у человека целостной инстинктоидной иерархической системы потребностей, включающей базальные низшие потребности (потребности нужды) и высшие потребности (ценности бытия). Единственным механизмом движения личности по этой мотивационной иерархии Маслоу считает последовательную актуализацию все более высоких потребностей по мере удовлетворения нижележащих. Удовлетворенные потребности, согласно Маслоу, исчезают феноменологически из сознания, переходя в потенциальную форму, присущую также мотивам, находящимся значительно выше их в иерархии потребностей.

«Единственный обобщенный принцип, который связывает всю множественность человеческих мотивов, – пишет Маслоу, – это тенденция новой и более высокой потребности возникать по мере того, как низшая потребность завершает свое существование, удовлетворяясь» [42, с. 55]. Этот принцип получил широкое распространение, а между тем сам Маслоу под давлением неоспоримых фактов в конце концов признал ее несостоятельность. Во-первых, оказалось, что существование человека в «хороших условиях», т. е. обеспечивающих удовлетворение всех базальных потребностей типа нужды, отнюдь не вызывает стремления личности к высшим ценностям. «Хорошие условия, хотя и обеспечивают эффект роста для большинства людей, оказывают также и плохое, даже катастрофическое воздействие на некоторую, пусть небольшую, их часть», – пишет Маслоу [43, с. 245]. «Теперь для меня стало ясно, – заключает он, – что награда базальных потребностей – недостаточное условие для метамотивации, хотя и может быть необходимой ее предпосылкой. Есть индивиды, у которых награда базальных потребностей совмещается с “экзистенциальным неврозом”, с бессмысленностью существования и т. д. Кажется, что метамотивация не следует автоматически за удовлетворением основных потребностей. Следует говорить также о дополнительной переменной “защиты про-

тив метамотивации» [там же, с. 300]. В то же время оказывается, что в условиях, не обеспечивающих удовлетворение потребностей в безопасности, любви, уважении и даже поддержании организмического существования, «некоторые люди неизвестно почему движутся по направлению к Б-ценностям» [там же, с. 140].

Нужны, следовательно, иные методологические основания для объяснения динамики и развития мотивационной системы личности, нежели те, которые замыкают его детерминацию во внутренних отношениях потребностей. Иная система методологических координат создается пониманием личности как индивидуализированной формы существования тех общественных отношений, которые человек реализует в своем поведении, созидательной деятельности, общении, созерцании. В процессе материальных и идеальных отношений с другими людьми, различными социальными общностями складывается структура мотивов человека. От контура тех социальных отношений, которые образуют индивидуальный способ жизни человека и включают формирующие и воспитательные воздействия, зависит становление личности во всей целостности психосоматического ее бытия, в том числе содержание потенциальной и актуальной сфер мотивации. И физиологические, и духовные потребности, имея природные предпосылки, должны быть сформированы общественным способом существования индивида, конкретно-исторический характер которого определяет и меру их побудительности, и строение устремленной в будущее потенциальной мотивации.

Высокому уровню мотивации личности должны соответствовать ее функциональные возможности, хорошо развитые способности, богатые потенции. В противном случае психологическое развитие личности может пойти аномальным путем и воспрепятствовать ее полноценному социальному развитию. Один из аспектов гармонического развития личности – это взаимосогласованность все более сложных целей с растущими возможностями человека.

Формирующийся в секторе подход *к способностям и их развитию* (Т. И. Артемьева [13–17]) критически направлен на все еще распространенное в психологии одностороннее их понимание лишь в плане профессиональной ориентации, т. е. как совокупности таких свойств личности, которые делают ее пригодной к эффективному выполнению конкретных, сложившихся в обществе форм профессиональной деятельности. Такое понимание способностей узко даже с точки зрения социологического подхода. Это не значит, что отвергается основное положение советской психологии о формировании способностей в деятельности. В него внесены существенные коррективы. Во-первых, обосновано положение о том, что прогрессивное развитие личности осуществляется не во всякой деятельности – ее условием выступает проблемная, личностно значимая, интересующая человека успешная деятельность. Во-вторых, согласно новейшим экспериментальным исследованиям, необходимые и важные компоненты способностей могут формироваться не только в развернутой во внешнем плане деятельности, но и при выполнении действий во внутреннем, мысленном плане, плане представлений. Основной же вывод заключается в том, что в процессе овладения определенной деятельностью и достижения высокого совершенства ее выполнения происходит формирование и развитие не только актуальных, необходимых для исполнения данной деятельности способностей, но одновременно складывается и расширяется обширная сфера потенциальных способностей индивида. Детерминация накопления этой сферы потенций снова многомерна.

Овладевая определенной деятельностью, личность всегда в силу своей творческой ориентации выходит за пределы ее узких требований. Если деятельность превышает предваряющее ее сознание, то еще больше в своем актуальном выполнении она превышает заложенные в ней исторически ограниченные способности. Каждая деятельность может выполняться качественно новыми способами, требующими каждый раз новых способностей. С этой точки зрения плодотворным оказывается рассмотрение в рамках развития способностей психологических эффектов монотонии при изучении, например, психодинамических свойств индивида. Такие эффекты выражаются в тенденции постоянно варьировать монотонные действия – это

значит, что даже рутинная, однообразная деятельность дает некоторое пространство для выявления универсальной сущности человека. И самыми существенными для раскрытия формирования потенциальной сферы способностей человека оказываются два следующих механизма. Выполняя любую деятельность, человек выступает в ней как родовое существо, реализующее и в ее узких рамках полноту своих многообразных отношений к миру (познавательных, эстетических, этических и т. д.), предполагающих развитие соответствующих способностей. И далее, каждая деятельность человека – это только часть его целостного бытия, в процессе которого проявляется и формируется сфера способностей. Потенциальная сфера способностей указывает на перспективу развития целостной личности. Она же обеспечивает быструю организацию (по типу инсайта) и стремительное развитие под влиянием настоятельных, неожиданно возникающих требований к новым видам деятельности общества принципиально новых актуальных способностей. Важно также подчеркнуть, что и профессиональная деятельность обеспечивает полноценное развитие способностей лишь в меру того, насколько в ней происходит развитие целостной личности и ее передвижение на новый уровень социального бытия.

Это положение выступило как вывод из исследований в методологическом плане *общих условий формирования и развития личности*. В условиях нашего социалистического общества, в центре которого стоит человек труда, наиболее полноценное и разностороннее развитие личности происходит в его *профессиональной деятельности*. В нашей психологии предпринимаются работы по выявлению психологических характеристик разного рода трудовой деятельности, по формированию мотивов труда, по созданию психологических портретов личности представителей разных профессий. Но совершенно недостаточно раскрывается «движение» личности в профессиональной деятельности, и через нее в «пространстве» своего целостного социального бытия, в системе общественных отношений социалистического общества.

В ходе профессионального становления личности происходит расширение и обогащение всей системы жизненных отношений человека, который поднимается на новый уровень социального бытия, достигая переживания полноты жизни и эмоционального благополучия.

В качестве нового принципа исследования личности и ее развития в векторе выдвинут *принцип общения* [33]. Понятия общения и личности оказываются непосредственно соотносительными в силу общественного способа жизни человека, поскольку человеческая общественная связь, как отмечает Маркс, не противостоит отдельному индивиду, а является сущностью каждого отдельного индивида, его собственной жизнью, его собственным богатством и наслаждением. Развиваемое в секторе понимание общения исходит из положения о существовании двух его форм. Первая из них – средство организации деятельности; в качестве предмета психологического анализа в этом случае выступают психологические функции общения в ходе выполнения деятельности, место субъект-субъектных отношений в ее структуре и т. д. Вторая форма общения связана с удовлетворением особой духовной потребности человека в другом человеке. Общение – одна из самых существенных побудительных сил личности, источник ее внутренней активности, лежащий в основе формирования наиболее значимых личностных структур индивида. Общение – психологическая основа диалогичности природы личности, внутренний мир которой функционирует как скрытый диалог человека с внутренними аудиториями, организованными по социальным образцам (юридической, педагогической, сценической и др.). Перед этими аудиториями или перед отдельным собеседником личность может занять различные позиции – утвердить, оправдать, возвысить себя, убедить другого, определить место собственного отношения к миру применительно к оценочно-смысловым позициям своих собеседников и т. д. Значение этих позиций для развития личности определяется не формальными, но содержательными характеристиками своих позиций: только отстаивание ценностных отношений к миру, отвечающих передовому мировоззрению, прогрессивным тенденциям развития общества, обеспечивает прогрессивное развитие личности, ее духовного мира.

В общении отчетливо выражены две основные, уже выделенные ранее тенденции развития: личность стремится воссоздать себя в смысловых системах других личностей, занять особое место в их личностном пространстве, воссоздать в формах своего «я» ценностно-смысловые позиции круга своих собеседников и в то же время оттолкнуть чужое и чуждое, отторгнуть в себе то, что стихийно вошло во внутренний мир, но не принимается человеком как субъектом своего внутреннего мира. Противоречие между этими двумя тенденциями и создает продуктивную напряженность личностного общения.

И профессиональная деятельность, и общение – это лишь компоненты целостного многомерного способа бытия человека в мире.

Необходимо выявить оптимальные способы организации этой целостности, которые обеспечивали бы гармоничность и многосторонность развития личности. Выдвинуто положение о том, что высокое развитие одного из существенных и социально ценных деятельностных способов связи индивида с миром делает его стержнем построения всех иных отношений. Формирующиеся на его основе качества личности «заряжают собственным высоким потенциалом другие свойства личности, значительно повышая уровень их развития и, взаимно обогащаясь, обеспечивают гармоничность ее функционирования...» [10, с. 17]. Здесь в новом аспекте выступает системно-уровневая концепция детерминации развития: возникший эпицентр развития личности создает сильнейшее «детерминационное поле», которое определяет направленность развития и средства его реализации.

Создание такого мощного «детерминационного поля» – цель воспитательных воздействий, которые, меняясь по своему содержанию и форме, выступают необходимым способом развития личности на всех этапах ее жизненного пути. *Разработка* в секторе *психологических основ воспитания* [23, 38] привела к выявлению принципов оптимальной стратегии поведения, в которой должны интегрироваться два по-разному ориентированных способа. В первом из них акцентируется система социальных требований к личности, до уровня которой нередко стихийно подтягиваются ее возможности. Второй способ делает целью развитие способностей, мотивов, личностных качеств индивида. Эти способы должны образовать единую стратегию. В диалектическом единстве должны находиться и другие стороны воспитательного процесса: содержательно-смысловые воздействия на личность (убеждение, разъяснение, внушение в процессе общения) необходимо гармонично сочетать с организацией реального опыта трудовой и внеуродовой деятельности. По содержательной ориентации диалектическая структура воспитательных воздействий должна быть направлена на формирование личности как активного субъекта своего целостного социального бытия, способного не только творчески решать поставленные перед ним цели, но и самому выдвигать новые задачи, в том числе и своего собственного развития. Эта активность субъекта предполагает высокое развитие самосознания, структура которого (самопознание, оценочно-смысловые отношения к себе, саморегуляция) и основные этапы формирования подверглись монографическому исследованию И. И. Чесноковой [39–41].

Исследования позволяют выделить несколько *диалектически связанных тенденций развития личности* и ее психологической организации. Первая пара тенденций выражается единством принципа творческой ориентации личности с принципом «гомеостатического» ее регулирования. Тенденция к устойчивости, к сохранению и воспроизведению уже сложившейся психологической системы сочетается со стремлением к качественному преобразованию личности, к постоянному ее выходу за пределы себя. Эти принципы позволяют сделать два заключения. Во-первых, механизм обратных связей, не раскрывающий появления новых мотивов и целей, недостаточен для объяснения развития. Второй вывод подчеркивает недостаточность сложившихся к настоящему времени понятий психологической теории деятельности для адекватного выражения сути психического развития. В систему этих понятий не укладывается,

в частности, сформулированное А. Н. Леонтьевым положение об опережении деятельностью сознания.

Другая сопряженная пара тенденций такова: формирующаяся личностная система, психологические свойства личности уже на ранних этапах индивидуального пути человека обретают свою логику развития; личность начинает порождать собственную среду развития и тем самым воспроизводит те типы общественных отношений, которые, может быть, уже давно объективно ушли в прошлое. Эта тенденция дополняется другой, идущей в противоположном направлении, – по мере развития личности в структуре ее свойств все большее место начинают занимать те, которые сформировались как реакция индивида на собственные личностные черты и формы поведения. От самой личности зависит дальнейшая судьба обнаруженных ею собственных новообразований.

Философские принципы и методологические проблемы психологии получили разработку применительно не только к современному срезу психологической науки – они выступают также в качестве способов анализа ее становления, обогащаясь и дополняясь на этом материале новыми подходами.

Вопросы истории и теории развития психологии

В области истории и теории развития психологии значительно разработан принцип единства исторического и логического, положение о ведущей роли философских проблем психологии в построении психологической теории и ее историческом исследовании, а также системно-исторический подход, включающий принцип детерминизма (Л. И. Анцыферова, Е. А. Будилова [7, 8, 11, 28–30]).

Системно-исторический подход отражает многоуровневую детерминацию сменяющих друг друга психологических теорий. Реализованный на материале истории психологических концепций личности в западной психологии он включает три уровня анализа. Первый, науковедческий, касается условий возникновения, круга проблем, системы понятий, специфики практики, породившей ту или иную теорию. Движение теории личности изучается в рамках исторического среза общественного развития всего человечества и данного конкретного общества в зависимости от социальных требований и господствующей философии. В теориях выявляются пласты различной «древности». Раскрывается зависимость теорий от эпохальных исторических событий, преломление их личностью творца теории. На втором уровне системный подход утверждает принцип исторической изменчивости объекта изучения – личности, обладающей системным качеством совокупностей социальных связей, в которую включена личность. Полнота учета этих связей, научность подхода к ним – критерий оценки теорий личности. Принцип историчности объекта исследования разработан на материале теорий аномального развития личности в западной персонологии: сексуальные психоневрозы викторианской эпохи отразились в концепции З. Фрейда, неврозы отчаяния и пессимизма, тревожности и престижности в мире беспощадной конкуренции капитализма породили экзистенциальные теории личности, концепции К. Хорни и Г. Салливена, неврозы потери идентичности при вынужденном резком переходе из одной социальной группы в другую, характерные для США, легли в основу теории идентичности Э. Эриксона.

Третий уровень системно-исторического анализа относится к внутренней организации личности. Здесь позиции теоретика определяются решением вопроса о связи истории индивидуального развития личности с ее сложившейся организацией. Принципы системного подхода реализованы при исследовании материалистических теорий в зарубежной психологии: уровень развития материалистической методологии определяется учетом полноты и системности существенных объективно определяющих психику индивида связей с объективной действительностью [11].

Центральное место в разработке принципа единства исторического и логического, куда входит также вопрос об отражении исторически меняющегося объекта психологического анализа в движении теорий, занимает проблема связи между психологией и ее историей. Решение этой проблемы представлено в положениях о том, что психологические теории прошлого можно правильно понять только с позиций более высокого уровня развития науки, в рамках которого развиваются тенденции, содержащиеся в ранее созданных теориях. При этом каждая последующая ступень в развитии психологической теории порождает новую оценку истории психологии, раздвигает границы исторического исследования, в новом качестве представляет полученные в прошлом знания.

Разрабатываемый принцип включает также находящиеся на стадии разработки вопросы о смене в ходе истории психологии разного типа знаний и законов, о критериях уровня развития сменяющих друг друга теорий, об изменении понятийного строя психологических теорий, о связи исторических и прогностических исследований в психологии.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. 2-е изд., т. 3.
2. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1.
3. Абульханова-Славская К. А. Соотношение индивидуального и общественного как методологический принцип психологии личности. // В кн.: Теоретические проблемы психологии личности. М., 1974. С. 34–82.
4. Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М., 1980.
5. Анцыферова Л. И. Материалистические идеи в зарубежной психологии. М., 1974.
6. Анцыферова Л. И. Личность и деятельность. // Методологические проблемы психологии в европейских социалистических странах. Братислава, 1975 (на словацком языке). С. 195–202.
7. Анцыферова Л. И. О некоторых новых методологических тенденциях в современной зарубежной психологии // Вопросы психологии. 1976. № 5. С. 55–69.
8. Анцыферова Л. И. Развитие системного подхода и методология историко-теоретического исследования в советской психологии. // Актуальные проблемы истории и теории психологии. Ереван, 1976.
9. Анцыферова Л. И. Некоторые теоретические проблемы психологии личности // Вопросы психологии. 1978. № 1. С. 37–50.
10. Анцыферова Л. И. Методологические проблемы психологии развития // Принцип развития в психологии. М., 1978. С. 3–20.
11. Анцыферова Л. И. Историко-методологические принципы исследования психологических концепций личности // Психология в странах социализма. Берлин, 1980 (на немецком языке). С. 300–307.
12. Анцыферова Л. И. О динамическом подходе к психологическому исследованию личности // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 2. С. 8–18.
13. Артемьева Т. И. Социальная обусловленность развития способностей // Теоретические проблемы психологии личности. М., 1974. С. 170–186.
14. Артемьева Т. И., Асеев В. Г. Соотношение актуального и потенциального в формировании способностей личности // Комплексное изучение человека и формирование всесторонне развитой личности. М., 1975.
15. Артемьева Т. И. Методологический аспект проблемы способностей. М., 1977.
16. Артемьева Т. И. Психология способностей и всестороннее формирование личности // Принцип развития в психологии. М., 1978. С. 142–155.

17. *Артемьева Т. И.* Взаимосвязь потенциального и актуального в развитии личности // Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 67–86.
18. *Асеев В. Г.* Об истоках человеческой мотивации // Проблемы формирования социальных потребностей. Тбилиси, 1974.
19. *Асеев В. Г.* Мотивация поведения и формирования личности. М., 1976.
20. *Асеев В. Г.* О диалектике детерминации психического развития // Принцип развития в психологии. М., 1978. С. 21–37.
21. *Асеев В. Г., Спивак Е. В.* Мотивация поведения и социалистическое соревнование // Социально-психологические проблемы социалистического соревнования. М., 1978. С. 50–63.
22. *Асеев В. Г.* Единство содержательной и динамической сторон личности в воспитательном процессе // Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 198–222.
23. *Брушлинский А. В.* О мышлении как процессе // Генетические и социальные проблемы интеллектуальной деятельности. Алма-Ата, 1975. С. 3–9.
24. *Брушлинский А. В.* Диалектико-материалистический принцип детерминизма и проблема деятельности // Методологические проблемы психологии в европейских социалистических странах. Братислава, 1975 (на-словацком языке). С. 171–182.
25. *Брушлинский А. В.* О природных предпосылках психического развития человека. М., 1977.
26. *Брушлинский А. В.* Мышление и прогнозирование. М., 1979.
27. *Брушлинский А. В.* О формировании психического // Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 106–126.
28. *Будилова Е. А.* Философские проблемы в советской психологии. М., 1972.
29. *Будилова Е. А.* Философские проблемы в историко-теоретическом исследовании // Проблемы теории и истории развития психологии. М., 1973. С. 58–73.
30. *Будилова Е. А.* Методология, теория и эксперимент в трудах С. Л. Рубинштейна (к 90-летию со дня рождения) // Вопросы психологии, 1979, № 3. С. 106–114.
31. *Джидарьян И. А.* О биологическом и социальном в связи с классификацией человеческих потребностей // Соотношение биологического и социального в человеке. М., 1975. С. 281–287.
32. *Джидарьян И. А.* Эстетическая потребность. М., 1976.
33. *Джидарьян И. А.* Психология общения и развитие личности // Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 127–158.
34. *Пономарев Я. А.* Психология творчества и педагогика. М., 1976.
35. *Пономарев Я. А.* Психология творчества. М., 1976.
36. *Пономарев Я. А.* Развитие психологической организации интеллектуальной деятельности // Принцип развития в психологии. М., 1978. С. 63–80.
37. *Тарасов Г. С.* Проблема духовной потребности. М., 1979.
38. *Тарасов Г. С.* Формирование «психологической близости» и «уникальности» личности в процессе воспитания // Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 235–256.
39. *Чеснокова И. И.* Проблема самосознания в психологии. М., 1977.
40. *Чеснокова И. И.* Онтогенетические особенности самосознания личности // Принцип развития в психологии. М., 1978. С. 316–336.
41. *Чеснокова И. И.* О психологических основах самовоспитания. – В кн.: Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 223–234.
42. *Maslow A. H.* Toward a psychology of being. Princeton, 1968.
43. *Maslow A. H.* The farther reaches of human nature. N. Y., 1971.

Глава 2. О динамическом подходе к психологическому изучению личности

В настоящее время в психологической науке одно из центральных мест заняла проблема личности. Представители общей, социальной и педагогической психологии, специалисты в области индивидуальных различий, ученые, работающие в сфере психологии труда, патопсихологии, нейропсихологии и т. д. направляют свои исследования на анализ психологической организации личности, изучение различных психических образований, выяснение их функций, раскрытие условий формирования различных свойств личности. Однако в этих исследованиях, как нам представляется, недостаточно раскрывается *динамика* психической жизни личности. Между тем личность существует в процессе постоянного несовпадения с собой, в процессе выхода за свои пределы. Даже для того, чтобы сохранить устойчивость определенных своих параметров, особо важных для ее существования именно как личности, – жизненных целей, ценностей, принципов, морально-нравственных качеств, – она должна в условиях быстро и многообразно меняющейся социальной действительности менять свои различные психологические качества.

Исследовать динамику психической жизни личности – значит изучить разные формы существования и осуществления личности во времени, раскрыть *психологические механизмы* этого осуществления. Психологические механизмы можно представить себе как закрепившиеся в психологической организации личности функциональные способы ее преобразования, в результате которых появляются различные психологические новообразования, повышается или понижается уровень организованности личностной системы, меняется режим ее функционирования. Важно подчеркнуть, что психологические механизмы выступают как способы преобразования организации личности лишь потому, что они являются механизмами реальных или мысленных преобразований взаимоотношений индивида с обществом, с миром в целом.

Ведущей формой становления, осуществления и развития личности является социально значимая деятельность, которую мы понимаем в самом широком смысле этого слова – как создание духовных и материальных ценностей. Целью так понимаемой деятельности может быть производство материального продукта, но она может оказываться направленной на создание совсем иного «предмета» – теплого, доверительного, дружеского отношения с другим человеком или же на установление «психологической дистанции» между ним и собой. В других случаях целью и результатом деятельности может выступить переоценка собственных ценностей, работа над упорядочением своего внутреннего мира, переосмысливание своего прошлого и т. д. В этом понимании деятельность представляет собой основной способ существования человека в мире, личности – в обществе. Лишь в целях научной абстракции условно можно говорить просто об изучении деятельности. Адекватнее вести речь о действующем индивиде, о личности, находящейся в состоянии деятельности (отличном, например, от состояния претерпевания, страдания). С этой точки зрения деятельность может быть понята как динамическое многофазное развертывание личности, как особый тип последовательности личностных преобразований, как закономерная смена ее функциональных состояний.

Особенностью такой деятельной развертки личности во времени является то, что личность в своем движении заставляет двигаться, развертываться, преобразовываться окружающую ее действительность – преобразовываться целенаправленно, в соответствии со своими замыслами. В этой диахронике своего действенного развертывания личность стремится не только к созданию определенного продукта, но и к обретению оптимального личностного состояния – эмоционального подъема от содеянного, радости завершения, чувства особой полноты существования человека-деятеля, созидателя.

Если взять в качестве модели предметно-преобразующую деятельность, то становится очевидным, что личность, развертывающаяся в деятельности, вызывает особую форму движения мира вещей, им не свойственную. Она заставляет их двигаться не только по их собственной логике (которая, конечно, включается в детерминацию деятельности и должна как можно полнее учитываться личностью), но и по логике своего человеческого и личностного существования – уникального существования в мире. Поэтому движение вещей в системе деятельной личности – совершенно новый вид движения предметного мира. Участвуя же в совместной деятельности с другими людьми – а это самая типичная ситуация деятельного существования личности, – человек преобразует социальные ситуации не только в соответствии с их логикой, но и с логикой своего индивидуального, социально обусловленного существования.

Структуру своего деятельно-личностного развертывания индивид осваивает и вырабатывает, формируясь в различных социальных системах общества. Для определенных видов деятельности общество выработало четкую структуру их протекания и сделало эту структуру предметом осознания людей. Осознать же ее было необходимо для передачи другим членам общества путем обучения. Ибо одна из главных функций осознания (хотя и не единственная) – обеспечить возможность широкой и экономной передачи выработанных в обществе знаний, умений, духовных ценностей и т. д. через обучение. Многие виды профессионально-трудовой деятельности имеют такую социально фиксированную структуру. Однако иные виды деятельности лишь в самых общих чертах организуются обществом и структура их еще не раскрыта ни в социологическом, ни в психологическом плане. Таковы те формы деятельности, целью которых является установление определенного межличностного отношения. До сих пор почти не исследовано, через какие фазы и стадии должна пройти коммуникативная деятельность, чтобы оказалась достигнутой именно та цель общения, к которой стремился человек, каковы оптимальные стратегии и тактики для установления и (или) прекращения дружеских отношений или отношений сотрудничества. В случаях затруднений или ошибок в этой сфере обычно прибегают к формуле «такт должен подсказать, что делать в подобных ситуациях». Но психологическая сущность такта не раскрыта, не выяснены те формы поведения, в которых реализуется тактичность как социально-психологическое свойство личности, не выявлены и психологические механизмы, регулирующие тактичное поведение.

Еще значительнее пробелы в понимании структуры тех видов деятельности, которые связаны с попытками личности переосмыслить и согласовать свои ценности, соотнести свои различные оценочно-смысловые отношения к миру, разобраться в себе.

В психологии выделена лишь самая общая психологическая структура деятельности, построенная в основном на основе изучения предметно-практической трудовой деятельности. За последние годы в результате изучения таких сложных видов деятельности, как деятельность оператора, знания о психологическом ее составе заметно обогатились. Четко выявлена также и роль специально организованного обучения в овладении этой сложноструктурированной деятельностью. Но не только эта, а и всякая деятельность человека в обществе социальна не только по своему содержанию, но и по способу членения. Развивающемуся человеку совсем не просто начать жить в деятельности в соответствии с ее логикой. Проведенные исследования показывают, что ребенка нужно специально обучать усмотрению связи мотива деятельности с ее целью: такая связь отнюдь не самоочевидна. Удержание принятой цели, ее сличение с полученным результатом – всему этому нужно обучиться на ранних этапах индивидуального развития.

На более же поздних стадиях развития человек сам должен учиться структурировать и организовывать свой деятельный способ существования в мире, самостоятельно создавать психологические приемы оптимальной реализации своего деятельного существования. Поясним на примере, о каких приемах идет речь. У личности на этапе взрослости существует обширная временная перспектива все более отдаленных целей, существует идеал, которого он хочет достичь. Достижение этого идеала требует значительных усилий, предварительного

решения множества иных задач. И нередко человек оказывается неспособным удержать свою временную перспективу, он теряет веру в возможность достижения некогда горячо желаемой цели. Одним из психологических механизмов удерживания такой перспективы является как бы «опрокидывание» уходящей вдаль линии целей на настоящее и усмотрение в актуальных наличных ситуациях элементов, частиц, блоков отдаленного идеала, которые только постепенно будут принимать его очертания.

Следует также иметь в виду, что идеальная цель, будучи реально достигнута, редко узнается как таковая. Происходит это потому, что личность всегда исторична в смысле обусловленности не только меняющимися конкретно-историческими общественными условиями своего существования, но и историей своей собственной жизнедеятельности. Она перерастает свой идеал, еще не достигнув его. В результатах своей деятельности личность выявляет столь богатое содержание, что оно не укладывается в контуры прежнего идеала. Этот факт наглядно раскрывает недостаточность модели предметно-практической деятельности, в которой результат должен совпасть с целью, для анализа целостного деятельного существования личности в обществе.

Другой психологический прием оптимального структурирования личностью своей совокупной жизнедеятельности заключается в правильном построении системы тех целей, которые выступают в качестве ступеней достижения идеала. Если эти цели расположены в один иерархический ряд, так что достижение каждой последующей определяется предыдущей, то блокирование любой из них остановит поступательное движение к идеалу и будет переживаться личностью как непреодолимое препятствие, как жизненный крах. Следовательно, личностная стратегия не должна строиться по модели однолинейного детерминизма или цепочки причинно-следственных связей, она должна предусматривать необходимость создания некоторой системы взаимодополняющих и подкрепляющих друг друга промежуточных целей.

Вводя эти соображения о психологических стратегиях и тактиках осуществления ранних форм активного отношения личности к социальному и природному миру, мы уже перешли к вопросу о необходимости разработки динамической модели развертывания личности в процессе деятельности. До недавнего времени в психологии выделялась и исследовалась статичная структура деятельности, представляющая ее одномоментный срез. В недрах инженерной психологии вызрела необходимость подвергнуть специальному изучению последовательность этапов деятельности. Разработка в психологическом плане проблемы целеобразования – точнее было бы говорить о развитии цели в процессе деятельности – обогатила элементами динамики исследование деятельности. Но в процессе деятельности еще очевиднее происходит формирование, развертывание и развитие мотивов. При этом имеется в виду не общий принцип формирования новых мотивов в деятельности. Речь идет о выяснении того, что же происходит с мотивационно-потребностной регуляцией деятельности в период от начала до завершения деятельности, до получения желаемого результата. Исследования показывают, что в ходе конкретной деятельности та потребность, которая выступила в качестве побуждения деятельности, содержательно раскрывается – проходит свои фазы, свои спады и подъемы [7]. Потребностное состояние личности раскрывается при этом как многоуровневое образование, разные уровни которого, имеющие различное содержание, проявляют себя в различных фазах деятельности. Нельзя не согласиться с В. Д. Шадриковым [14], в работах которого подчеркивается, что мотивация пронизывает собой всю деятельность, не ограничиваясь ее начальным этапом. Но каковы же закономерности движения мотивации в этом процессе? Обсуждая этот вопрос, нельзя не обратить внимания на некоторые парадоксы психологической теории деятельности, развивающейся в отрыве от изучения развертывания в деятельности личности. Многочисленные работы показали, что существуют закономерные отношения между динамикой потребностного состояния личности и целью ее деятельности. Кларк Халл назвал эту закономерность «градиентом цели»: чем ближе желанный предмет, тем больше стремится при-

близиться к нему индивид. Такая же закономерность неоднократно подчеркивалась в работах школы К. Левина: узник, просидевший десять лет в заключении, бежит оттуда за десять дней до освобождения. Эти факты, однако, не исследуются в контексте психологической теории деятельности, ибо личность там фигурирует в минимальной степени – точно так же, кстати, как при изучении различных психических процессов. Между тем не лишено оснований предположение, что число ошибочных операций или действий будет возрастать на завершающих стадиях выполнения какой-то деятельности при условии достаточно высокой мотивированности как следствие появившейся поспешности. Это положение возможно также превратить в методический инструмент для определения уровня мотивированности целью: если в период, непосредственно предшествующий получению нужного результата, темп действий не участится, можно сделать заключение о невысоком уровне мотивации деятельности или о мотивации, внешней по отношению к самому ее содержанию.

Развертывание в деятельности мотивационно-потребностной сферы личности может быть прослежено даже применительно к такому типу деятельности личности, который иногда относят к «живому созерцанию». Такова эстетическая, музыкально-перцептивная деятельность, образующая процесс восприятия музыки. Исследования [13] показывают, что в ходе восприятия музыки у слушателя развертывается интонационное обследование музыкального предмета. Через интонирование, внутреннее пропевание собственные эмоции предстают перед слушателями как психическая реальность, к которой вырабатывается определенное отношение. Эта музыкально-перцептивная деятельности побуждается специфической духовной потребностью, включающей в себя целую систему побуждений, которые получают свою развертку в ходе последовательного оперирования музыкальным предметом.

Среди частных духовных потребностей применительно к сфере музыки можно выделить потребность в сильном душевном напряжении, только зарождающиеся эмоции и чувства, потребность сопоставить свои эмоции с теми, которые вызывает музыка, найти новый язык для выражения своих переживаний, потребность вычерпать предметно-социальное содержание музыки, потребность в катарсисе и др. Конечно, эти потребности выражают и полимотивированность эстетической деятельности, но на разных этапах музыкально-перцептивной деятельности меняется организация побуждений, в действие вступают новые потребности. Не менее сложной, несомненно, является и динамика разных форм потребностей в процессе практической предметно-преобразующей деятельности, а также в деятельности теоретической. Эта проблема еще ждет своей разработки. Таким образом, с позиций положения о раскрытии, развертывании целостной личности в деятельности потребность понимается не просто как изначальное побуждение к деятельности и не только как убывающее в ходе деятельности психическое напряжение, но как динамический процесс последовательной смены в разных фазах деятельности разных потребностей, связанных в единое целое ценностным отношением личности к предмету деятельности.

В деятельности получает свою развертку не только мотивационно-побудительная сфера личности. Деятельность – это также диахроника функциональных состояний и свойств личности. Разные фазы деятельности требуют последовательного включения разных свойств личности, перехода ее от одного функционального состояния к другому. Обычно психологи при изучении личности профессионала выделяют определенную иерархию свойств, требуемых профессией, но важно исследовать, какова закономерная реорганизация этой системы в процессе деятельности, требующей выдвижения на первый план то одного, то другого свойства личности.

Понимание деятельности как диахронической, всегда в каких-то хотя бы моментах «расширенного воспроизводства» социально-психологической организации личности на всех ее уровнях строится на положении о том, что всякая деятельность – это отрезок жизни целостной личности, и этой части жизненного процесса свойственна та же напряженность протека-

ния, которая характеризует большие отрезки жизни человека. Представляется, что правомерно говорить о критических и сензитивных периодах в ходе отдельной конкретной деятельности. Несомненно, что критическим является переход от скрытого подготовительного этапа деятельности к началу реальных преобразований. Житейская мудрость, воплощенная в словах «лиха беда начало», отражает этот факт. Самый первый, скрытый этап деятельности характеризуется переживанием влечения, за которым следует особая пристрастность восприятия окружающей действительности. Деятельность может оборваться на этом этапе, и в каждом из нас временами угасает в самом начале какая-то деятельность. Это значит, что момент перехода от скрытых этапов деятельности (включающих и этап принятия решения) к началу реального ее выполнения требует определенного, иногда значительного усилия со стороны личности, несмотря даже на безусловность принятого решения. Ведь это – решимость личности на встречу с миром, в которой всегда есть момент непредсказуемости, есть опасность потерпеть неудачу даже при самых благоприятных условиях и возможностях. Особая напряженность или критичность этого этапа выявляется в ситуациях, где объектом деятельности является выяснение, изменение или установление отношений личности с другими людьми. В психологическом плане этот критический этап деятельности крайне слабо исследован. Основная психологическая трудность указанной фазы деятельности – прежде всего мотивационного порядка: мотивация оказывается недостаточно сильной, чтобы личность начала двигаться в пространстве именно этой деятельности. Система побуждений личности может ослабнуть и на любом ином этапе ее деятельного осуществления.

В то же время оказывается, что продолжения и завершения деятельности требуют не только внешние обстоятельства, но и сам человек. Он знает необходимость этого. Знает – но эмоции, некогда придававшие ему силы, угасли, пропал интерес, понизился уровень психического напряжения, и способности, формирование и функционирование которых обеспечивается напряженной динамикой психической жизни, кажутся утерянными.

Применительно к этим случаям особенно актуальным становится вопрос о механизмах: активности личности, о ее способности выйти за свои пределы, подняться над собой. В подобных ситуациях говорят о необходимости сделать волевое усилие, проявить свои волевые качества. Но ведь это усилие воли должно иметь какой-то психологический механизм, которым личность должна владеть. Этот механизм можно представить себе прежде всего как поиск и привлечение личностью других мотивов, которые бы усиливали, дополняли или полностью замещали действие мотива угасающего.

Но процесс поиска новых мотивов – это лишь как бы фасад того сложного психологического механизма, который приводится в действие личностью для успешного продолжения деятельности. В своем фундаменте механизм этот выступает как усилие индивида вписать свое занятие в более широкую систему социальных отношений, осмыслить ее место в более широком контексте социальной действительности и тем самым отыскать новый ее смысл, найти новые побуждения в универсальности своих общественных отношений.

Некоторые эмпирические исследования показывают, что дополнительные мотивы человек ищет прежде всего через мысленное обращение к значимым для него людям, через актуализацию тех значимых социальных отношений, которые когда-то способствовали формированию его ценностей и которые сами стали входить в число этих ценностей. В этой способности человека произвольно создавать новые системы мотивов заключаются истоки активного внутреннего начала личности. Свобода личности, рассматриваемая в психологическом аспекте, заключается в познании необходимости действовать определенным образом, но при этом личность должна быть также мотивирована действовать в соответствии с необходимостью и способна сама сформировать эту мотивацию.

Личность существует, осваивая способ своего движения – изменения, развития, совершенствования, – в разных структурах деятельности, в разных ее формах. Было бы, однако,

неадекватно представлять себе личность как простую совокупность систем, регулирующих многообразные виды ее социально значимой деятельности. Личность – всегда целостность, которая развивается, формируя в своей организации все новые и новые части, каждая из которых обладает качеством породившей ее целостности, подразумевает существование ранее выделившихся частей и несет в себе возможность возникновения новых. Иначе говоря, складывающиеся психологические механизмы, возникающие обобщенные отношения личности к миру находятся в системной зависимости друг от друга. Характеризуя закономерности развития целостных систем, В. Г. Афанасьев пишет: «Итак, всякая целостная система, целое, от простой до самой сложной, всегда существует как единство, взаимодействие различного рода компонентов, единство противоположностей. Каждая часть целого – это иное другой части, а эта другая – третьей и т. д.» [3, с. 75]. Разумеется, отдельные части целостной живой психологической организации личности обладают определенной долей автономии и могут получать преимущественное развитие по отношению к другим и даже гипертрофироваться. Но определяющими для них все же будут их взаимосвязи со всей системой в целом, поскольку «целостная система – это такая система, в которой внутренние связи частей между собой являются преобладающими по отношению к движению этих частей и к внешнему воздействию на них» [с. 67].

Эти положения дают возможность понять высокую устойчивость психических свойств личности даже на ранних этапах жизненного пути человека. Исследования показывают, что даже в условиях индивидуальной воспитательной работы весьма трудно бывает уже в ранние годы детства переделать нежелательные социально-психологические черты личности (замкнутость, недоверчивость, несправедливость) [12]. Дело заключается в том, что переделывать приходится не одно свойство, а целостную личностную систему индивида.

Понимание личности как активного деятеля, который целостно включается в способ своего деятельного осуществления, позволяет поставить проблему изучения того, как осуществляется функциональная взаимосвязь разных типов деятельности в психологической организации личности и что представляют собой психологические механизмы ее интеграции. Точнее этот вопрос можно было бы сформулировать так: каким образом соотносятся и связываются друг с другом различные способы динамического существования личности в пространстве разных форм деятельности. Одним из характерных механизмов нам представляется процесс «вклинивания» в доминирующую в данный момент деятельность (реально выполняющуюся и занимающую центральное место в функционировании личности) деятельностей, которые можно назвать субдоминантными. Действительно, осуществляя какую-либо деятельность, личность, может быть, никогда не занимается только ею. Одновременно происходит актуализация различных звеньев латентно протекающих деятельностей. Организация субдоминантных форм деятельности до сих пор не исследована, но наблюдения показывают, что она своеобразна, отличается разорванностью, несвязностью. Лишь отдельные ее компоненты «всплывают» в сознании, вклиниваются, как нечто инородное, в процесс доминирующей деятельности. Переживаясь иногда как досадные помехи, уход мысли в сторону, отвлечение внимания, такие феномены в действительности обозначают обогащение неявных деятельностей актуально протекающей. Ее результаты как бы опускаются в пласт субдоминантных действий, связываются с совсем иными психологическими системами личности. Этот выход из психологического пространства деятельности, направленной на сознательно поставленную цель, переживается как потеря мысли, которую часто так и не удастся вспомнить. Но впоследствии оказывается, что она воспроизводится как очень уместная и удачная при совершенно ином занятии. В то же время вклинивание латентных пластов в актуальное занятие обогащает его, придает ему творческий характер.

Всплывание в памяти, вклинивание в сознание действий, переживаний, ситуаций, условий, личностных состояний, характерных для субдоминантных деятельностей, – важное условие интеграции личности. Это и есть процесс функционирования внутренних связей личност-

ной системы, в результате которого каждая ее часть выступает как нечто иное (инобытие) других частей¹.

Если в значительной мере вся организация личности приходит в движение, когда личность включается в целенаправленную деятельность, если в деятельности развивается и формируется личность, порождая все новые и новые части своей целостности, выступающие как «различия внутри единства» [2, с. 725], то не следует ли предположить, что ее направленность, ценностные ориентации, диспозиции и т. п. складываются и функционируют в единстве с различными психическими свойствами личности, с ее эмоциональными, волевыми, перцептивными, мнемическими и интеллектуальными характеристиками. Можно предполагать, что содержание и структура ценностных ориентаций, долговременных целей личности, ее направленность должны иметь «свое иное» в качественных особенностях эмоциональных, мнемических, интеллектуальных и перцептивных процессов². Если вспомнить выдвинутую Б. И. Додоновым типологию направленности личности [8], то может оказаться, что ярко выраженная альтруистическая направленность предполагает иной тип мышления и памяти человека, чем, например, направленность гностическая. Из развиваемых положений следует также, что при резком и значительном изменении ценностных ориентаций личности, ее смысловых установок должны произойти качественные изменения и в ее психических процессах. Не лишено, например, оснований предположение о том, что наблюдающиеся в период старости качественные изменения процессов памяти, влекущие ее ослабление, не столь жестко определяются именно биологическими факторами, как это обычно считается. В определенных случаях основной может быть социально-психологическая причина. Утрата или даже предвосхищение потери больших жизненных целей, которыми жил человек, укорочение его временной перспективы, иначе говоря, утрата своего реального будущего будет деструктивно влиять на процессы запоминания и воспроизведения. Это значит, что память выступает не как закрепление, сохранение прошлого, а как операция перенесения того, что переживается в настоящем, в свое личное будущее. Чем более обширными и уходящими в отдаленное будущее целями живет личность, тем более совершенными будут психологические механизмы ее восприятия, памяти, мышления.

Доминирующую в данный период времени деятельность не следует смешивать с ведущей деятельностью, в которой главным образом и происходит многостороннее развитие личности, ее изменение и совершенствование.

Основное значение ведущей деятельности в определении жизненного пути личности заключается в том, что именно она открывает человеку пути к включению в новые сферы жизни общества, вводит его в новые социальные структуры и позволяет установить новые все более богатые социальные связи – те личные, индивидуальные отношения с другими людьми, которые, по словам К. Маркса, создали и постоянно воссоздают общественные отношения [1, с. 440]. Если на более ранних этапах развития личности общество через особую институционализированную систему включает индивида в расширяющиеся социальные системы общества (детские воспитательные учреждения, школа, институт), то на стадии взрослости человек сам

¹ Можно наметить и другой механизм интеграции личности. Начнем рассуждение с известного в психологии явления «переноса» (или трансфера) выработанных в прошлом действий на новые ситуации. Предполагается, что такой перенос осуществляется лишь в моменты, когда человек в своем настоящем встречается с новой задачей, требующей актуализации в измененном виде своего прошлого опыта. Конечно, этот процесс, который точнее было бы назвать «ретрофером», имеет место. Но существует и иная разновидность переноса – перенос опережающий, когда человек экстраполирует на будущие ситуации и применительно к возможным деятельности те или иные результаты доминирующей деятельности. Наблюдения показывают, что нередко люди намеренно распределяют по сферам возможных деятельности то, что оказалось достигнутым ими на разных этапах своего основного занятия.

² Такая постановка проблемы открывает возможность организации нового направления в исследовании личности. В этой связи можно указать на работу Е. С. Махлая [10], в которой делается попытка раскрыть связь между памятью и волевыми качествами личности.

должен сформировать у себя способ дальнейшего поступательного движения в системе общественных *отношений*. Таким способом и выступает его ведущая деятельность. С общественной точки зрения ее отличает качество социальной активности, она высоко результативна.

Психологические же ее характеристики таковы: она эмоционально захватывает человека, и вся целостная организация личности начинает двигаться, раскрываться, дополняться в ее пространстве, а это и значит, что сам индивид начинает отождествлять себя с ней. Поэтому достигнутые в ней успехи переживаются личностью как удача на целостном жизненном пути.

Эта деятельность эмоционально не исчерпывает себя в своем обогащенном результате. У человека возникает, по выражению П. Жанэ, эмоция триумфа по поводу содеянного. Если же деятельность переживается как навязанная извне, индивид, закончив ее, испытывает лишь облегчение. Возникающие препятствия, промахи, ошибки порождают самый напряженный поиск новых стратегий, формируется способность конструктивно справляться с состояниями психической напряженности.

Если подлинная жизнь личности, как это глубоко замечает М. Бахтин, находится как бы в точке несовпадения человека с самим собой [4, с. 79], в области выхода индивида за пределы себя, то именно в ведущей деятельности это несовпадение, опережение личностью себя выступает всего отчетливее. Ведущая деятельность удовлетворяет потребность человека в ярких, сильных переживаниях, она развивает и обогащает эмоциональную жизнь личности. Свою ведущую деятельность сам человек переживает как выражение своего подлинного «я», как воплощение и доказательство своей суверенности. Именно ведущая, эмоционально насыщенная, захватывающая, «интересная», отмеченная высокой активностью личности деятельность выступает как важнейший фактор гармонизации, взаимосогласования и интеграции различных частей, структур и свойств личности. Ведущая, «стержневая», высоко развитая деятельность, реализующая ярко выраженное отношение человека к миру, способствует подтягиванию до своего уровня других видов активного отношения личности к действительности, вызывает развитие разносторонних ее способностей. Этот общий принцип был подтвержден эмпирическими исследованиями на материале разных типов эмоциональной направленности личности [8]. Именно наполненная личностной значимостью деятельность способствует, как показал это В. С. Мерлин, интеграции психодинамических свойств человека и тех его свойств, которые выражают некоторое социально-психологическое отношение личности к миру [11].

В системе социалистических общественных отношений ведущая деятельность индивида выступает обычно как его профессиональная деятельность, и это обстоятельство значительно усиливает формирующее воздействие на личность данного способа ее деятельного существования. Эмпирические исследования показали, как в ходе успешного профессионального становления происходит наиболее полноценное развитие личности, совершается расширение и совершенствование сложной системы ее социальных связей и социально-психологических отношений, личность поднимается на новый уровень социального бытия, достигается переживание полноты жизни и эмоционального благополучия [5, 6].

Разумеется, совпадение ведущей и профессиональной деятельности в значительной степени определяется господствующими общественными отношениями. Опыт исследования личности в условиях антагонистических общественных отношений обнаруживает двухполюсное строение сферы ее ценностных ориентаций. На одном полюсе находятся институционализированные формы социальной жизни, занятие своей профессией в условиях мнимой коллективности, ориентированной на достижение власти, богатства, преуспевание любой ценой, требующей конформизма и отказа от подлинного «я». На другом полюсе помещается так называемая частная жизнь – быт, личное потребление, дружба, развлечение и т. п., – которая только и связывается с выявлением полной индивидуальности, с реализацией истинного «я» личности. Вся внутренняя динамика личности и разворачивается как колебания между этими двумя полюсами. Не найдя средств для самовыражения, не достигнув самоутверждения в частноиндиви-

дуалистическом секторе своего бытия, личность переключается на институционализированные формы своих занятий, на сферу «дела», которая требует демонстрации не свойственных человеку чувств и мнений и в результате вызывает движение сознания индивида к противоположному полюсу [9].

Эта дихотомичность сознания человека, разорванность сферы ценностных ориентаций личности преодолевается в социалистическом обществе, ставящем своей главной целью и считающем высшей ценностью всестороннее развитие личности, максимальное выявление индивидуальности человека в его социально значимой деятельности. Характерное для общества социализма теснейшее слияние профессионально-трудовой, общественно-политической и организационно-управленческой деятельности в сфере жизни каждого члена общества делает человека реально причастным к построению социальных систем своей институционализированной и неинституционализированной деятельности. В результате у человека формируется адекватное реальному социальному положению личности чувство своего подлинного личностного существования. Свое органичное включение в общественное управление собственной совокупной жизнедеятельностью человек переживает как ответственность и за свой жизненный путь, и за судьбу своего общества.

Разумеется, обеспечиваемое и требуемое нашим обществом многостороннее включение личности в различные сферы общественной жизни не совершается само собой, оно требует от личности значительных психологических усилий по преобразованию, совершенствованию и развитию себя. Ведь деятельность в новой сфере общественных отношений предполагает выделение новой части в системе личности, формирование как бы нового психологического органа, в составе которого в новом качестве должны выступить уже сформированные ранее или только наметившиеся свойства личности, дополняемые заново складывающимися ее характеристиками. Хорошо известное каждому состояние высокой психической напряженности, которое знаменует овладение личностью новым для нее способом своего деятельного существования, можно считать индикатором активизации самим человеком обширных систем своей психической жизни, актуализации в симультанном виде сложившихся многообразных систем собственных жизненных отношений с миром.

Итак, мы наметили некоторые пути реализации динамического подхода к личности как живой подвижной системной целостности, которая разворачивает, совершенствует, развивает себя в социально значимой совокупной деятельности, реализующей многообразные общественные отношения.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. Соч., 2-е изд., т. 3.
2. Из рукописного наследия К. Маркса // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 12.
3. Афанасьев В. Г. О целостных системах // *Вопросы философии*, 1980, № 6. С. 62–78.
4. Бахтин М. М. *Проблемы поэтики Достоевского*. М., 1963.
5. Борисова Е. М. Психологические аспекты формирования личности передового советского рабочего // *Вопросы психологии*, 1977, № 6. С. 40–48.
6. Борисова Е. М. Раскрытие творческих возможностей человека в трудовой деятельности // *Психолог на предприятии*. Научная организация труда, производства и управления в легкой промышленности. М., 1979. Вып. 1. С. 27–38.
7. Джидарьян И. А. *Эстетическая потребность*. М., 1976.
8. Додонов Б. И. *Эмоции как ценность*. М., 1979.
9. Замошкин Ю. А. *Личность в современной Америке*. М., 1980.
10. Махлах Е. С., Рапопорт И. А. Соотношение памяти и волевых качеств личности // *Вопросы психологии*, 1980, № 1. С. 125–129.

11. *Мерлин В. С.* Опыт изучения онтогенеза интегральной индивидуальности // Вопросы психологии, 1976, № 5. С. 88–95.
12. Отношения между сверстниками в группе детского сада / Отв. ред. Т. А. Репина. М., 1978.
13. *Тарасов Г. С.* Проблема духовной потребности. М., 1979.
14. *Шадриков В. Д.* Психологический анализ деятельности. М., 1979.

Глава 3. Личность в динамике: некоторые итоги исследования

Пути становления процессуально-динамического подхода в психологии

В 80-е годы XX в. в психологической науке, как отечественной, так и зарубежной, произошли существенные изменения, связанные с формированием нового подхода к изучению психики, личности и сознания. Для его обозначения воспользуемся термином, предложенным известным немецким психологом Х. Томе. Группируя существующие концепции личности в крупные блоки, он выделил наряду с когнитивным направлением и теорией личностных черт процессуально-динамический подход, привлекающий внимание все большего числа психологов.

В теоретико-методологическое основание динамического подхода вошли – частично в преобразованном виде – различные концептуальные традиции, по-разному раскрывающие смысл понятия «динамика». Но у них есть общий знаменатель – они акцентируют непрерывность, динамичность, изменчивость, напряженность, противоречивость, постоянное движение душевной жизни человека. Важные идеи о динамике мышления, сознания личности разработаны в трудах А. Бергсона. Основой психической жизни он считает живую, непрерывную, постоянно изменяющуюся текучесть психической реальности. Эта текучесть выступает как поток «тесно проникающих друг в друга образов» [10, с. 119], как смена чувств, образующая «несмолкаемую мелодию нашей внутренней жизни» (там же, с. 179), как переход друг в друга психических состояний, из которых каждое содержит в себе предшествующее ему и подготавливает следующее за ним. Подчеркивая целостность душевной жизни человека, Бергсон утверждает, что в форме текучести психических состояний совершается непрерывное изменение личности, ибо «всякое психическое состояние отражает личность в целом» (там же, с. 14). При этом удержание в актуальном психическом состоянии предшествующих ему моментов порождает, согласно Бергсону, не просто изменение, но рост психического. Однако динамику психического он рассматривает вне тех реальных взаимоотношений человека с окружающим миром, которые только и могут наполнить новым содержанием движущуюся мысль. По его мнению, действия и общение способствуют формированию лишь поверхностного слоя личности, не затрагивая ее глубинной сути.

Некоторые зарубежные психологи (Дж. Сингер (J. Singer) и Дж. Коллиджен (J. Kolligian)) [40] считают, что идеи Бергсона оказали влияние на У. Джемса (W. James), который ввел в американскую психологию понятие и проблему «поток сознания». В 70-х годах в США вышел сборник «Поток сознания» [41], начались экспериментальные исследования сознательного и бессознательного потока мысли, внутреннего диалога, многоуровневого течения мыслей при решении сложных задач в ходе операторской деятельности. Интерес к изучению потока сознания в американской психологии был подготовлен информационным подходом, который ориентировал психологов на изучение процессов переработки информации. Сыграло роль и укрепление позиций ментализма. Главным же стимулом выступил тот факт, что самый тщательный учет условий поведения не обеспечивал предсказания его результатов, если была неизвестна «логика» движения душевной жизни человека. Подход Джемса к сознанию был воспринят как теоретическое обоснование нового подхода к психике. В 1986 г. вышла книга, посвященная жизни и научному творчеству Джемса. Ее значение американские психологи оценивают так: она напоминает нам о том, что «повестка дня современной психологии в значительной части была создана первым и, может быть, величайшим американским психологом» [40, с. 537]. Стали разрабатываться проблемы взаимосвязи импульсивных и целенаправленных мыслительных процессов. Возник интерес к выявлению разных паттернов текущего личного опыта.

Для понимания методологических позиций современного динамического подхода существенно то, что процессуальность психической жизни личности изучается в системе реального взаимодействия человека с миром.

Для современных исследований характерно изучение движения состояний, мышления, чувств личности в условиях деятельности, общения, поведения. Новый пласт психологического движения личности в пространстве деятельности выявляется при изучении процессов целеполагания и целедостижения, когнитивно-эмоциональной подготовки человека к действию, отслеживания им течения собственного поведения, оценки промежуточных результатов и т. п. В научный оборот наряду с понятием потока сознания введено понятие «поток поведения» [39].

В отечественной психологии процессуально-динамический подход существует в разных вариантах. Вместе с генетическим и функционально-динамическим подходом («актуал-генез»), а также с принципом развития он входит в методологическую основу широкого круга исследований, направленных на раскрытие условий формирования, изменения, становления разных параметров психического склада личности, на описание этапов и стадий развития ее интеллекта, характера, мотивов и потребностей [2, 3].

Особый вариант процессуально-динамического, а точнее – процессуального подхода был разработан в 50-х годах XX в. на материале мышления С. Л. Рубинштейном. Для него этот подход был производным от решения вопроса о природе психики. Согласно С. Л. Рубинштейну, основная характеристика психического – процессуальность. Иными словами, психика существует всегда в форме процесса – непрерывного, гибкого, изменчивого, порожденного постоянным взаимодействием человека с окружающей действительностью. Психическое как процесс представляет собой отнюдь не пассивное течение мысленного содержания, а *особую психическую активность субъекта*, направленную на анализ мира, на дифференциацию значимого и незначимого в нем, на синтез, обобщение обнаруженных свойств объектов. Эта концепция далее была развита А. В. Брушлинским [12]. Выполненные под его руководством исследования позволили выявить в психическом как процессе движение не только познавательной, но и мотивационно-потребностной составляющей. Процессуальный подход способствует пониманию психологических механизмов, тех «тонких движений души», которые реализуют прогресс мышления, развитие мотивации, совершенствование саморегуляции, изменение представлений о себе.

Новую плоскость в пространстве процессуально-динамического подхода открывает изучение преобразований личности на разных этапах жизненного пути. В мировой психологической науке созданы интересные концепции развития личности в масштабах жизни на основе лонгитюдных исследований, психотерапевтической практики, изучения паттернов становления, взросления и старения личности (П. Балтес, Д. Левинсон, У. Лер, Х. Томе, Э. Эриксон и др.). Значимый вклад в выявление психологических детерминант деформаций жизненного пути личности вносят юридические психологи (Ю. М. Антонян, А. Р. Ратинов и др.). Начинают разворачиваться психобиографические исследования, изучаются индивидуальные варианты развития личности. Осуществляется типологический подход к жизненной стратегии личности [1].

Процессуально-динамический подход, наконец, включает в себя традиции, идущие от психодинамических теорий, представители которых имманентной характеристикой душевной жизни человека считают ее напряженность, порождаемую разнонаправленностью побудительных тенденций, напором присущей психике активности, рассогласованием сознания и бессознательного.

Личность как субъект индивидуальной истории, жизненных выборов, целеполагания

Строя жизненный путь, человек руководствуется определенной системой представлений о своем прошлом, настоящем и будущем. Представления эти нередко содержат заблуждения и иллюзии, но именно они лежат в основе долговременной регуляции личностью своей жизни.

За последнее десятилетие в мировой психологической науке значительно возрос интерес к формам представленности во внутреннем мире человека окружающей действительности и его собственной индивидуальной истории. Все большее распространение получают психобиографические методы изучения личности. Введено понятие автобиографической памяти как свидетельства о последовательности событий, создающей условия для формирования уникального склада личности.

В русле психобиографического подхода ведутся и наши исследования «субъективной картины жизни». Изучалось отражение в самосознании личности жизненных событий, относимых человеком к прошлому, настоящему и предвосхищаемому будущему. А. А. Кроник разработал оригинальные биографические методики – каузометрическое интервью, оценивание пятилетней жизни, дихотомическое шкалирование жизненного пути и др. В результате раскрыта событийная структура картины жизни, выявлены типы связей между событиями (причинно-следственные и инструментально-целевые), определены показатели мотивационного и ролевого статуса событий. Показана возможность по уровню субъективно переживаемой насыщенности событиями отдельных периодов жизни определять психологический возраст человека. Сочетание психобиографического и лонгитюдного методов позволило определить в картине жизни несколько различных по степени устойчивости слоев, вскрыть процесс переоценки человеком значимости конкретных событий, перемещения их из области малозначимых биографических эпизодов в сферу «композиционного ядра» картины жизни или, напротив, лишения событий высокого статуса.

Практика психогигиенической консультации, работающей в рамках психобиографического подхода к анализу личности, показала, что успешность реализации человеком своей жизни существенно зависит от сформированности у него сквозных причинно-целевых связей между прошлым, настоящим и будущим [9]. Личность должна как бы стягивать динамические тенденции, идущие из пережитого и предстоящего в свое настоящее [22]. Такая динамическая картина жизни – предпосылка поступательного развития личности. Изучение инвалидов и лиц, страдающих тяжелыми заболеваниями, позволило обнаружить различные деформации картины их жизни: разорванность связей между временными параметрами жизни – оторванность будущего от настоящего и прошлого, обесценивание прошлого, поглощенность лишь настоящим, замыкание основных причинно-целевых связей лишь между минувшими событиями. Изучены неврозы, порождаемые этими деформациями: нереализованности (в своем прошлом человек не видит ни значительных достижений, ни ярких переживаний); опустошенности (отсутствуют актуальные связи между событиями в настоящем); бесперспективности (минимум предвидимых событий, ожиданий, планов) [21].

Для устранения деформаций картины жизни разработаны методы психокоррекции, получившие название «биографический тренинг» [20]. Человека учат делать биографические открытия, переосмысливать значимость событий прошлого, переносить фрагменты психологического будущего в актуально-действенную сферу личности и тем самым создавать новую мотивацию к активной жизни. Разработан также методический прием «Альтернативные графики жизни», помогающий человеку либо признать правильность избранного пути, либо принять решение о его изменении. Критерием решения является предполагаемая насыщенность

событиями различных жизненных программ, детерминируемая, как показали исследования, ведущими ценностями личности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.